

ПОЭЗИЯ ПОТЕРЬ АНН СЕКСТОН И НАЧАЛО
ОБРЕТЕНИЯ СЕБЯ

В несомненной предрешенности судеб Анн Секстон и в чем-то похожих на неё поэтесс, Марины Цветаевой и Сильвии Плат, сквозит то, что наша культура с определенными поправками называет «душевным расстройством». Когда границы этого термина отодвинуты, мы в прямом или косвенном значении соотносим такое состояние с «ненормальностью» (mad) или же «сумасшествием» (crazy), но так или иначе неопределенность в понимании данного феномена, а также неоднозначное восприятие в исторической действительности делает такое состояние души сомнительным и открытым для всякого рода разговоров.

Была ли Анн Секстон душевнобольной, и что это вообще значит?

Вполне возможно, она была просто эмоционально неуравновешена, невротична, и слишком раздражительна. Вопрос остаётся открытым, и его ответ скорее найдут биографы, нежели мы, но нельзя отрицать факт того, что эта "желтая болезненность" была присуща как поэзии Анн Секстон, так и вышеупомянутых поэтесс.

Поэзия Анн Секстон - уязвленный внутренний голос огромного количества обеспокоенных людей.

Кажется, что неспособность противостоять раскладу жизни подсознательно ведёт к суицидальному настрою и своего рода роману со смертью. Когда женщина, которой есть что сказать, молчит - такая тишина оглушает. Анн Секстон молча, но в то же время оглушительно заявила о том, что характеризует её героиню: о предательстве, покинутости, вине.словно звенья огромной цепи предательства связаны между собой. Совершивший суицид, как бы самоотречение, предаёт тело, больной предаёт любовь. Но героиня сама, как правило предана любимыми, а значит и жизнью. Задолго до Анн Секстон скажут: "Не отрекаются любя, ведь жизнь кончается не завтра".

Что касается покинутости и вины, то они воспринимаются Секстон неоднозначно. Героиня чувствует, что она покинута отцом, матерью, мужем, иногда даже дочерью, которые отталкивают её, ненавидят и даже склоняют её к смерти. Но в то же время, героиня всегда отвечает за свои поступки, за степень желаний, за неудовлетворённую любовь, за то, что она родилась женщиной, вообще за то, что родилась. Решением проблемы, как и наказанием за вину такого рода, является смерть.

Анн Секстон была поэтессой потерь. Потери были многочисленными и судьбоносными. Потому, возможно, ранняя поэзия Секстон была фрейдистской направленности, а поздняя — носила отголоски коллективного бессознательного Юнга.

Несомненно одно, Секстон была одной из немногих женщин-поэтов 50-60-ых годов XX столетия, которая трансформировалась из домохозяйки в поэтессу, раскрыв тему женской сущности и тем самым совершив революцию интеллекта и духа.

Секстон представила персонификацию женского духа. Её поэзия более, чем она сама создавала, несла в себе голос свободной женщины. Понимание собственного "я", пусть даже в совершенно другой плоскости, стало необходимым условием её болезненной поэзии.

На первый взгляд может показаться, что такого рода поэзия может быть только деструктивной. Но на самом деле каким-то странным образом она оказывает на нас почти терапевтическое действие. История прдолжающихся потерь характера, имя которому "Анн", обречённость судьбы с самого детства, страхи, переросшие в желание умереть, этапы становления маленькой девочки в молодую жену, а далее в зрелого "художника" и, как следствие, в разбитую женщину - вот всё то, чем представлена поэзия Секстон.

В отличие от Сильвии Плат, которая во многих чертах похожа на Анн Секстон (дружба, самоубийство), драматический характер достигает мифологически-социальной значимости без идентификации с мифиологическим образом. В поэзии Секстон нет аллюзий с классическими литературными героинями. Несмотря на это, "Анн" находится под властью ужасающих сил

тмы и пророчеств. Пророчества в жизни Секстон начинаются тогда, когда начинается долгая история болезни ее матери: "Только моя мать заболела /Она отвернулась от меня, кажется смерть поймала /кажется смерть перевелась/ кажется моё умирание её съело изнутри/. Первого сентября она посмотрела на меня /и сказала Я ей подарила рак.../Этой зимой она пришла/ на полпути /от своих стерильных одежд /докторов, морская болезнь /круиз рентгеновских лучей/ арифметика клеток обезумела. Операционное вмешательство незавершено, /тяжелая рука, прогнозы неутешительны, Я слышала/ сказали они.¹"

Но даже в неизбежности конца Секстон остается полна решимости. И только там, когда все кончится, глубоко, сама себе признается: "Ушли, я сказала и ушла из церкви /...Я устала быть храброй.²"

Вот теперь ей нужно простить всех и закрыть ту страшную дверь, которая ведет в детство. "Я держу пятилетний дневник, который сохранила моя мать/три года, рассказывая всё, что она не хотела сказать/о твоей алкоголической зависимости.... Хорошим ты был или нет, Я тебя пережила, наклоняю моё странное лицо к твоему и прощаю тебя.³"

Что искала Анн Секстон и почему не находила остается неизвестным. Может, искалеченная душа пыталась найти спасение, но каждый раз, соотносясь с действительностью, приходила к одному и тому же. "Наблюдая как медленно умирает моя мать/. Моя первая отдушина /Но мой грех это всегда мой грех /Без особенной легенды или Бога к которому можно обратиться.⁴" Анн приходила к тому, что грех это печать, которая лежит на самом человеке и никакой Бог не сможет помочь заблудшему.

¹ Only my mother grew ill. / She turned from me, as if death were catching, /as if death transferred, /as if my dying had eaten inside of her. /On the first of September she looked at me /and said I gave her cancer...../That winter she came /part way back/ from her sterile suite /of doctors, the seasick/ cruise of the X-ray/ the cells arithmetic gone wild. Surgery incomplete, /the fat arm, the prognosis poor, I heard/ them say. (p 30) (Selected Poems: Ann Sexton).

² "Gone, I say and walk from church, / ... I am tired of being brave/. (p43).

³ I hold a five-year diary that my mother kept / for three years, telling all she does not say / of your alcoholic tendency ... Whether you are pretty or not, I outlive you,/ bend down my strange face to yours and forgive you.

⁴ Watching my mother slowly die I knew / My first release... / But my sin always my sin/ With no special legend or God to refer to. (p. 5)

Отношение Секстон к религии весьма неординарно и неоднозначно. Она является одной из оригинальных религиозных поэтесс, чьи произведения несут на себе отпечаток многочисленной трансформации. Ее поэзия полна и ироничного сомнения, и откровенного вопроса, и разочарованной веры, и отважного ответа. Она откровенно показывает то, что называется Христианской моралью. Недаром, в одном из стихотворений Секстон насмехается над обыденным восприятием веры, говоря, что она может "piss in God's eye" (испражниться Богу в глаз), но в то же время она осторожно напоминает, что "God is only mocked by believers". И вот здесь она находит своего Бога "в собственной святости рук" (private holiness of my hands), в затерявшихся глубинах внутренней земли, океана и неба. Традиционно Секстон обращается к Богу-отцу, но, как правило, она отождествляет его трансцендентно с матерью-богиней, которую она не может назвать.

Боль в глазах умирающей матери делает ее слишком разумной. Настолько разумной, что такое состояние будет граничить с сумасшествием.

В одном из своих многочисленных интервью с Патрисией Маркс, Секстон задали вопрос: есть ли какая-либо особенная тема, к которой она апеллировала более, чем в своих произведениях? Ответ Анн был всеисчерпывающим. Она сказала, что это, вполне возможно, была тема сумасшествия (р. 94-95) (Steven E. Colburn, No evil Star).

Секстон никогда не боялась открыто заявить, что она не похожа на кого-то. То, что переживала Анн, не было сумасшествием, сумасшествием было то, как она переживала это. В одном из своих писем от 8 ноября 1971 года Секстон пишет о том, что мать уже была в коме, а рядом с ней играло ее любимое радио.

Анн все еще была ее "деточкой", а кома держала ее под водой (эти странные растворы). Мозг уже давно онемел, но радио все играло и играло. (р. 25-26). Это радио потом Анн возьмет с собой в дом для душевнобольных и почувствует, что никто ее не понимает. Анн возьмет с собой не только радио... она возьмет с собой ее сигареты, а значит и свою мать. Она сама умрет с

играющим радио - последние звуки... Ее дочери возьмут в руки ее книги, и она спокойно скажет им: до свидания.

Воспринимаемая Секстон действительность была своего рода "отдельной реальностью", и в этом мире она находила компромисс между внутренним изувеченным "я" и окружающей ее "нормальностью". Не странно, что Секстон, будучи на вершине своей славы, предала сама себя. В 1973 году она стала профессором творческого письма в Бостонском Университете и получила три почетные степени за свою поэзию. Но эта слава не изменила ее болезни. Несмотря на свои огромные творческие успехи, Секстон все более впадала в меланхолию и депрессивное состояние. Ее спутниками стали алкоголь и успокаивающие таблетки, и она приняла свое решение. Боясь потерять свой творческий мир и свое бездушное "я", она совершила самоубийство, отравившись до своего 46-летия в 1974 году.

Была рассказана история жизни маленькой девочки, которая называла себя еще в начале своей карьеры "рассказчицей историй" (storyteller). Секстон, как она сама писала, предпочитала людей в ситуациях, в действии, на сцене, теряющих или обретающих. В самом конце она находила мысль. И потому, найдя мысль, собственно смысл своей жизни, Секстон спокойно ушла.

Примечателен еще один биографический факт жизни Анн Секстон. В марте 1973 года Секстон разъезжается со своим мужем, после чего 5 ноября она разводится и через год в 1974 году 4 октября она отрывается от себя.

Почти такая же судьба была уготована ее близкой подруге Сильвии Плат, которая через год после развода с Тедом Хьюзом кончает самоубийством.

Отнюдь, всем этим не хочется оставлять впечатление тривиальности их судеб, но однозначно можно сказать, что, когда разрушился тот мир, где они считали себя защищенными, начался хаос. Анн Секстон в этом хаосе скажет: "Муж /прошлой ночью я видела сон / Они отрезали твои руки и ноги / Муж / ты шептал мне / Теперь мы оба неполноценны."⁵

⁵ Husband, /last night I dreamt/. They cut off your hands and feet. /Husband/ you whispered to me, /Now we are both incomplete (p. 252 From the divorce papers).

Очевидно, что для Секстон, несмотря на огромное свободолюбие, завершенность, целостность, а значит гармония отождествлялись с миром двоих... "Я знаю, Я знаю /разрезанная груша или две половинки луны/.⁶"

Две половинки одного целого, два лица, дуализм нас окружающего мира - главная идейная линия поэзии Секстон.

В одном из разговоров с Бриджит Уикс Анн Секстон был задан следующий вопрос: "Рождение, смерть и любовь, кажется, являются главными темами вашей поэзии. Вы считаете, что эти темы судьбоносны?" (p. 116, No Evil Star). На что Секстон ответила: "Да, я считаю. Я всегда считала определенным тестом для поэта написать элегию, скажем, на смерть родителей. Если поэт отвечает этому запросу, он, как правило, совершает чудо".

Совершила ли чудо своей поэзией Анн Секстон, остается решить нам, читателям, но что она сумела затронуть "запретные" темы - однозначно.

Один из главных героев Стейнбека сказал потрясающую фразу: "Жить - значит покрываться шрамами". Поэзия Секстон покрывает нашу душу шрамами, но в этих потерях мы снова живем, мы вновь обретаем себя и продолжаем идти своим путем.

Учитель и наставник Анн Секстон - Роберт Лоуэлл - как-то назвал ее "русской поэтессой" и он был прав. Как и у русских поэтов все поры ее поэзии открыты, настолько открыты, что ясно видны плоть и душа. Ее поэзия откровенна, она исповедуется перед миллионами читателей и слушателей. А исповедует она свое раненое, искалеченное, но все же непобедимое человеколюбие.

Список литературы

1. Selected Poems: Ann Sexton, 1992 Boston Press
2. Steven E.Colburn, No evil Star 1997 USA

⁶ I know. I know-/a broken peas or two halves of the moon (p. 21).